

РФС 78503

ЗАПИСКИ

Op 615
P 35

ПРОВЕРЕНО 1938 Г.

ОРЕНБУРГСКОГО ОТДѢЛА

+ Op 31

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества.

66222

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

78503

1870.

ПРОВЕРЕНО
1938

5072

Чкаловская
областная библиотека
здания № 9

КАЗАНЬ.

Въ университетской типографіи.

1870.

X

0

— 15 —	8	Илекскій
— 22 —	0	Тургайскій
— 34 —	5	Иргизскій

ОТДѢЛЪ СТАТИСТИКИ.

НОВОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДѢЛЕНІЕ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ, ПРОСТРАНСТВО ЕЯ, НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ И НАСЕЛЕННОСТЬ.

По Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 21 октября 1868 года, изъ бывшей области Оренбургскихъ киргизовъ образованы двѣ области: Тургайская и Уральская.—Въ первую вошли почти вся средняя и восточная части бывшей области Оренбургскихъ киргизовъ; вторая образована изъ западной части той же области, съ присоединеніемъ къ ней земель Уральскаго казачьяго войска.

Во исполненіе означенной Высочайшей воли, Тургайская область получила слѣдующее административное дѣленіе:

Область раздѣлена на четыре уѣзда: Илекскій, Николаевскій, Тургайскій, Иргизскій.

Областное Правленіе пока оставлено въ г. Оренбургѣ. Уѣздныя управленія Илекскаго и Николаевскаго уѣздовъ, впредь до перенесенія ихъ въ степь, временно помѣщены въ гг. Илецкѣ и Троицкомъ. Уѣздное Управленіе Иргизскаго уѣзда находится въ Иргизѣ (бывшее Уральское Укрѣпленіе), а Тургайскаго уѣзда въ Тургаѣ (бывшее Оренбургское Укрѣпленіе).

Уѣзды раздѣлены на волости, а эти послѣднія на аулы, именно:

Илекскій уѣздъ	раздѣленъ на	8	волостей и	41	ауль.
Николаевскій	— — —	8	— —	51	—
Тургайскій	— — —	5	— —	23	—
Иргизскій	— — —	7	— —	34	—

Итого 28 волостей и 149 аул.

По исчисленію Генеральнаго Штаба подполковника Тилло, принявшаго на себя трудъ опредѣлить пространство Тургайской области, территорія ея оказалась въ 400,000 квадр. верстѣ, на которыхъ расположены 56,467 кибитокъ.

Полагая по шести душъ въ кибиткѣ, численность кочеваго населенія Тургайской области равняется 338,802 душамъ обоюго пола.

Изъ этого числа 6,187 кибитокъ или 37,122 человекъ зимуютъ въ такъ называемомъ новолинейномъ районѣ на земляхъ принадлежащихъ Оренбургскому казачьему войску. Хотя киргизскія зимовки разбросаны на пространствѣ всего района, т. е. 40,370 кв. верстѣ, но пользуются киргизы не болѣе 17,308 кв. верстѣ.

Такимъ образомъ на каждаго жителя области въ степи приходится 1,32 квадр. версты или 137 десятинъ, а въ районѣ 0,46 кв. версты—47 десятинъ.

Относительно уѣздовъ оказывается:

въ Николаевскомъ, къ которому причислены и районные киргизы приходится:	Кв. вер.	Кибит.	Жителей.	Число десятинъ на душу.
въ степи	76,530	11,308	67,848	114
— районѣ	17,308	6,187	37,122	47
		<u>17,495</u>	<u>104,970</u>	

въ Илекскомъ	49,500	13,212	79,272	65
— Иргизскомъ	127,300	14,163	84,978	156
— Тургайскомъ	147,500	11,597	69,582	220

По пространству уѣзды располагаются въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

- 1) Тургайскій.
- 2) Иргизскій.
- 3) Николаевскій.
- 4) Илекскій.

По числу жителей:

- 1) Николаевскій.
- 2) Иргизскій.
- 3) Илекскій.
- 4) Тургайскій.

По населенности—принимая населеніе Тургайскаго уѣзда за единицу:

1) Илекскій	3,3.
2) Николаевскій	1,9.
3) Иргизскій	1,4.
4) Тургайскій	1,0.

По числу волостей, въ каждой приходится среднимъ числомъ по 2,019 кибит. или 12,114 киргизовъ обоюго пола.

Наименьшія волости по пространству:

Тузтюбинская (Илекск. уѣзда) 2,220 кв. версть.

Миндыгаринская (Никол. уѣз.) 3,080 кв. вер.

А по народонаселенію:

Актюбинская (Илекск. уѣзда) 1,170 кибит.

Хобдинская (Илекск. уѣзда) 1,013 кибит.

Наибольшими волостями по пространству оказываются:

Каратугайская (Тургайск. уѣзда)

Хаджикульская (Иргизск. уѣзда).

А по народонаселенію:

Хаджикульская (Иргизск. уѣзда) 3,079 кибит.

Арскарагайская (Никол. уѣзда) 3,911 киб.

Л. Баллюзскъ.

О РАЗВИТІИ ХЛѢВОПАШЕСТВА ПО БАССЕЙНУ РѢКИ ТУРГАЯ.

А) По хлѣбопашеству.

Хлѣбопашество въ Восточной части области, начинающее распространяться нынѣ почти повсемѣстно, нигдѣ однако не заслуживаетъ столько вниманія, сколько по бассейную р. Тургая и вообще въ глубинѣ степи, составляющей Восточную часть области, въ особенности-же на урочищахъ: *Кара-Куя*, *Дошль* и проч., лежащихъ собственно по Тургаю, выше Оренбургскаго укрѣпленія, верстахъ въ 50, 80 и 100 отъ него. Какъ на этихъ урочищахъ, такъ и по всему Тургайскому бассейну до окрестностей Наурузумскаго бора включительно, живутъ отдѣльными и разбросанными группами такъ называемые *игинчи*, или хлѣбопашцы. Это—полуосѣдлые и полукочевые киргизы Кипчакскаго и Арғынскаго родовъ изъ отдѣленій: Турайгырь, Казъ, Кедель, Утей, Тазъ, Каркмултукъ, Айдерке, Актачи, Тагчи и Бакай, которые, доведенные бѣдностію и неудачами по занятію скотоводствомъ до невозможности кочевать, отстали въ разное время отъ кочующей массы соплеменниковъ и обратились къ исключительному занятію хлѣбопашествомъ, производя оное теперь въ такомъ удов-

летворительномъ размѣрѣ, что у нихъ достаетъ хлѣба, сверхъ собственнаго потребленія, и на снабженіе въ теченіе извѣстнаго времени года не только при-Тургайскихъ ихъ родовичей, но и ближайшихъ къ нимъ Сибирскихъ киргизовъ. Отъ послѣднихъ, въ особенности отъ Баганалинцевъ, являются на Тургай за хлѣбомъ во множествѣ такъ называемые *акшомчи*, или покупщики хлѣба, съ которыми у игинчей ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ происходитъ самая дѣятельная мѣна хлѣба на скоть, преимущественно-же на овецъ, тысячами пригоняемыхъ означенными акшомчами, также на кошмы и другіе предметы киргизскаго производства (¹).

Не смотря на малопродуктивность почвы во всей той части Восточной степи, которая лежитъ къ Югу отъ вершинъ рр. Убагана, Чйли и отъ урочищъ Арыстамбай и Кыргы-Бельчерагай, не смотря на трудность обработки и приготовленія оной подъ посѣвъ хлѣба, какъ увидимъ это ниже, однако, при необыкновенномъ трудолюбіи игинчей, удовлетворительность успѣха въ настоящемъ позволяетъ надѣяться, что современемъ хлѣбопашество тамъ, особенно на Кара-Кугѣ, Догалѣ и другихъ прилегающихъ къ нимъ мѣстахъ по р. Тургаю, находящееся, по несовершенству здѣсь земледѣльческихъ орудій, все еще не въ полномъ развитіи, приметъ со введеніемъ болѣе усовершенствованныхъ орудій, въ особенности-же съ устройствомъ мельницъ, столь широкіе, быть можетъ, размѣры, что помянутыя урочища въ состояніи будутъ соперничать съ самымъ хлѣбороднымъ пунктомъ на линіи и отвлекутъ отъ оной большую часть степныхъ покупателей хлѣба.

(¹) Впрочемъ за послѣднее время, а именно съ занятіемъ русскими Туркестанской Области, Баганалинцы, имѣющіе зимнее кочеваніе въ предѣлахъ этой послѣдней, найдя вѣроятно и здѣсь рынки хлѣба, рѣже стали посѣщать нашихъ при-Тургайскихъ игинчей.

Предварительно приступа къ исчисленіямъ и статистическимъ цифрамъ по Тургайскому хлѣбопашеству за данный 1866 годъ, не излишнимъ считаю привести здѣсь нѣсколько словъ о началѣ введенія этого рода промышленности между при-Тургайскими киргизами и объяснить: отъ чего хлѣбопашество развилось быстрѣе и раньше на Тургаѣ, чѣмъ при линіи, гдѣ оно, судя по очевиднымъ фактамъ ранняго соприкосновенія киргизовъ и давняго ихъ сосѣдства съ русскими, имѣло, кажется, гораздо болѣе шансовъ скорѣйшаго развитія, нежели на Тургаѣ, текущемъ по срединѣ степи и разобщенномъ поэтому на сотни верстъ разстоянія какъ отъ пограничной Россіи, такъ и отъ осѣдлыхъ ханствъ Средней-Азіи.

Чтобы понять причину такого явленія слѣдуетъ вспомнить, что хлѣбопашество на Тургаѣ и вообще въ глубинѣ степи было, какъ сказано это въ началѣ настоящихъ свѣдѣній, результатомъ тѣхъ крайнихъ неудачъ по скотоводству и той безвыходной бѣдности, изъ которой естественнымъ исходомъ для претерпѣвшихъ эти крайности долженствовали быть, при отдаленности ихъ отъ хлѣбородной Россіи и при невозможности слѣдовательно доставать себѣ изъ послѣдней хлѣба, непосредственное обращеніе ихъ самихъ къ земледѣлію, указанному имъ, какъ увидимъ ниже, вмѣстѣ съ общею для всѣхъ людей наставницею—нуждою, и учителемъ, какъ-бы нарочно посланнымъ къ нимъ Провидѣніемъ въ лицѣ одного изъ ихъ же соплеменниковъ; тогда-какъ подобные же имъ бѣдные между прилинейными киргизами, по близкому сосѣдству ихъ съ русскими, легко находятъ себѣ пропитаніе и способы къ безбѣдной жизни въ работничествѣ у послѣднихъ, никогда не терпѣли большихъ крайностей и той настоятельной нужды въ хлѣбопашествѣ, которой послѣднее было въ степи естественнымъ результатомъ. А вообще киргизы болѣе или менѣе зажиточные, какъ степные, такъ и прилинейные, питаются боль-

шую часть года мясомъ и молокомъ отъ своего скота, а потому мало потребляя хлѣба,—безъ означенныхъ выше крайностей никогда не стремились и теперь не обнаруживаютъ особеннаго стремленія въ земледѣлію: первые—по свойству степной природы, благоприятствующей болѣе скотоводству, чѣмъ хлѣбопашеству, а вторые при равной возможности процвѣтанія у нихъ того и другаго промысла, по легкости пріобрѣтенія ими хлѣба для ограниченной своей потребности на линіи, гдѣ кромѣ скотоводства дѣятельность ихъ обращена еще на торговлю и солепромышленность, приносящая имъ гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ хлѣбопашество, котораго развитіе, задержавъ собою лишь размноженіе стадъ и послуживъ къ неизбѣжному отъ того уменьшенію количества скота—этой главнѣйшей статьи киргизской торговли со всеми сосѣдними странами,—не принесло-бы никакой пользы по невозможности сбыта кому-либо степнаго хлѣба въ томъ размѣрѣ, въ какомъ сбывается теперь скотъ.

Вотъ почему занятіе киргизовъ скотоводствомъ и кочевая жизнь ихъ для поддержанія послѣдняго, является не прихотью народа, а дѣломъ самымъ естественнымъ, и эта жизнь съ своимъ пастушествомъ не уступитъ мѣста осѣлости съ земледѣльчествомъ до тѣхъ поръ, пока съ естественнымъ приращеніемъ киргизскаго населенія не почувствуется крайняя тѣснота, вмѣсто прежняго простора въ степи. Изъ вышесказаннаго видно между прочимъ и то, почему хлѣбопашество между степными киргизами развилось раньше, чѣмъ между прилинейными, занимающимися онымъ и теперь еще, за весьма малымъ исключеніемъ въ видѣ опыта и то въ послѣдніе годы, тогда-какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ глубинѣ степи оно давно уже стало правильнымъ и исключительнымъ занятіемъ многихъ, получившихъ даже постоянное по немъ названіе свое игинчей—хлѣбопашцевъ.

Начало введенія хлѣбопашества между при-Тургайскими киргизами, по рассказамъ старожиловъ, относится къ началу нынѣшняго столѣтія и тѣсно связано съ именемъ киргиза Септъ-Кула—родомъ кипчака изъ Китаба-Турайгырскаго отдѣленія, изъ подотдѣленія Кара, жившаго въ промежутокъ времени отъ 1770-хъ по 1830-ые годы. Съ рѣдкимъ отъ природы умомъ, какъ говорятъ старожилы кипчаки и аргыны, киргизъ этотъ почти еще юношею обратилъ свое вниманіе на положеніе родины, и, увидѣвъ ее въ подданствѣ Россіи да въ опасномъ сосѣдствѣ съ сильными относительно ея ханствами Средней-Азіи, ни къ одному изъ нихъ не возымѣлъ дружелюбнаго чувства. Какъ истинный сынъ свободы, онъ понялъ, что сохраненіе послѣдней для молодаго киргизскаго народа не возможно среди такихъ опасныхъ сосѣдей и началъ мечтать объ отысканіи ему вдали отъ нихъ свободной страны, о переводѣ туда кочевой своей родины и объ освобожденіи ее такимъ образомъ отъ всякаго ига чуждыхъ націй, а въ особенности Россіи, слывшей тогда страшною кафрскою страной. Въ этихъ мечтахъ, т. е. съ цѣлію освобожденія родины отъ посторонняго владычества, онъ покинулъ на произволъ судьбы дѣтей и родныхъ, отправился (¹), за предварительнымъ отысканіемъ свободныхъ и способныхъ для кочеваго народа мѣстъ, въ глубину Азіи, гдѣ пространствовалъ нѣсколько лѣтъ и нигдѣ не найдя страны соотвѣтствующей его цѣли, возвратился къ себѣ на родину, на Тургай, уже съ твердымъ намѣреніемъ не покидать ее впредь. Сколько ни ѣздилъ онъ по свѣту, сколько ни посѣщалъ чужихъ странъ (²), однако нигдѣ не нашелъ такого простора и раздолья, какимъ наслаждались его соплеменники въ

(¹) Въ товариществѣ 12-ти человекъ, на пѣгомъ меринѣ.

(²) Изъ посѣщенныхъ имъ странъ киргизы помнятъ: Китай, всю Среднюю-Азію, Джидели-Байсынъ, Итъ-Эли и еще одну, гдѣ необыкновенно дороги иглы.

широко раскинувшихся степяхъ 62 Тургаевъ и 32 Улькойяковъ, какъ выражаются киргизы для означенія однимъ этимъ выраженіемъ разомъ всей Тургайской рѣчной системы: вездѣ въ посѣщенныхъ имъ странахъ онъ наткнулся на осѣдлую жизнь и на многолюдные города, гдѣ вмѣсто свободы, которую онъ искалъ, господствовала власть, отъ которой онъ бѣжалъ. Этотъ камень преткновенія, понадавшийся ему вездѣ на пути его странствованія, разрушилъ первоначальный его планъ, окончательно разсѣялъ мечты и вмѣсто несбыточностей вложилъ въ умную голову его другую болѣе осуществимую и полезную идею объ ознакомленіи родины съ занятіями осѣдлыхъ странъ, а въ особенности со способами воздѣлыванія земли подъ хлѣбопашество и огороды. Сообразивъ почву собственныхъ степей на родинѣ съ почвою посѣщенныхъ имъ странъ, онъ вывезъ изъ нихъ всѣ тѣ сѣмена, которыя казались ему способными приняться въ родной его почвѣ. Такимъ образомъ сѣмена пшеницы, просы, джугери (¹), арбузовъ, дыни, луку, моркови, тыквы, урюку и винограда впервые привезены въ нашу степь Сеитъ-Куломъ около 1800 годовъ и посѣяны имъ впервые по рукаву р. Тургай—Кабыргѣ, на урочищѣ Каракугѣ,—что въ 50 верстахъ выше Оренбургскаго укрѣпленія, гдѣ, какъ уже сказано, занятіе хлѣбопашествомъ донинѣ идетъ весьма удачно. Кромѣ урюка и винограда всѣ опыты сѣянія Сеитъ-Кула удалась отлично, но только при усиленной поливкѣ (²). Успѣхъ предпріятія до того поощрилъ предпринимателя, что онъ, не смотря на господствовавшія въ то время междоусобія, баранты и хищничества въ степи, отдѣлился съ немногими товарищами отъ кочующей массы родовичей и предался занятію хлѣбопашествомъ съ такою любовью и усердіемъ, что ни безпрестанныя нападенія рыскав-

(¹) Кукуруза.

(²) Кромѣ пшеницы и просы въ настоящее время ничего не сѣется.

шихся повсюду хищниковъ, ни ежедневныя почти отбарантовыванія у него послѣдними рабочаго скота—ничто не удержало его отъ стремленія къ неслыханному дотолѣ въ его родинѣ мирному труду. Учащавшіеся почти съ каждымъ днемъ хищническіе набѣги не только не отбили въ немъ мужества и охоты къ земледѣлію, но напротивъ прибавили въ немъ энергіи и подали ему мысль о вѣрнѣйшихъ способахъ къ оборонѣ отъ нихъ,—съ каковою цѣлію онъ выстроилъ небольшую крѣпость изъ землянаго вала и съ довольно глубокимъ рвомъ,—крѣпость, которой развалины еще съ ясными слѣдами, подъ именемъ Сеитъ-Куловскаго Кургана, т. е. укрѣпленія, существуютъ до сихъ поръ. Жилища или кибитки небольшого товарищества игинчей ставились или помѣщались внутри укрѣпленія, откуда люди для полевыхъ работъ выходили только днемъ и съ предосторожностями. Съ устройствомъ этого укрѣпленія опасность если не вовсе миновала, то по крайней мѣрѣ на столько уменьшилась, что къ нему начали стекаться и присоединяться отъ кочующей массы Турайгырь-Кипчакскаго рода тѣ киргизы, которые грабежами, барантою и падежами отъ суровыхъ зимъ, доведенные до невозможности кочевать, искали подъ защитою его укрѣпленія и въ его ремеслѣ средствъ къ дальнѣйшему существованію. Впрочемъ примѣръ Сеитъ-Кула нашелъ себѣ подражателей не въ однихъ только однородцахъ его—кипчакахъ и не на одной только Кара-кугѣ; но и въ аргынцахъ на разныхъ пунктахъ степи, кромѣ тѣхъ частей ея, которыя прилегали къ линіи и въ которыхъ дѣятельность киргизовъ направлена была не къ земледѣлію, а къ торговлѣ и солепромышленности. Такъ, почти въ одно время съ Кара-кугою хлѣбопашество явилось и у урочища Сары-Копа при устьѣ р. Текѣ, у Наурузумскаго бора по рѣчкѣ Наурузумъ-Карасу и въ окрестностяхъ озеръ: Джаксыбай и Санкибай. Такое появленіе подражанія

не только въ однородцахъ, но и въ другихъ киргизахъ, было лучшимъ поощреніемъ для Сеитъ-Кула, и, ободривъ его еще болѣе, внушило ему идею о заведеніи на Кара-кугъ прочной осѣдлости навсегда, объ основаніи здѣсь города и объ устройствѣ при послѣднемъ для кочевыхъ своихъ родовичей хлѣбнаго рынка, въ каковыхъ намѣреніяхъ онъ впрочемъ не успѣлъ, похищенный преждевременною смертію около 1830-хъ годовъ⁽¹⁾.

До самой смерти своей Сеитъ-Куль дѣйствовалъ въ этихъ видахъ и остался вѣренъ своему дѣлу, не остановившемуся впрочемъ и послѣ него, такъ-какъ товарищи или ученики его продолжали оное и по смерти своего учителя съ немѣньшимъ жаромъ и любовью. Такимъ образомъ занесенныя Сеитъ-Куломъ на Тургай агрономическія начала, не смотря на всѣ неблагопріятствовавшія введенію оныхъ обстоятельства при неурядицѣ въ степи и насиліи повсюду, естественно отбивающемъ въ труженикѣ всякую охоту къ честному труду, не только не погибли, но напротивъ того привились очень прочно. Такъ-что приведенныя выше обстоятельства служили лишь препятствіями къ быстрому развитію земледѣлія.

О томъ, до какой степени и какъ сильно задерживался успѣхъ земледѣлія существовавшими въ степи при началѣ введенія хлѣбопашества междуособными барантами,—можно судить по тому, что въ тридцатилѣтній періодъ времени, отъ 1800 до 1830-хъ годовъ, около которыхъ убитъ Сеитъ-Куль, число игинчей или хлѣбопашцевъ на Кара-кугъ едва возрасло

---

(1) Онъ убитъ Чумскейскими хищниками или бармтачи, напавшими на предводителя игинчей въ то самое время, когда онъ стоялъ надъ одной изъ пяти временныхъ молитвъ (намазъ). Сеитъ-Куль имѣлъ время избѣжать хищниковъ, если-бы хотѣлъ нарушить молитву, но онъ считалъ это малодушіемъ и остался неподвиженъ въ виду даже вѣрнѣйшей смерти.

до 80 кибитокъ; въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе, т. е. въ тотъ промежутокъ времени, когда особенно усилились грабежи послѣдняго въ Восточной части мятежнаго Султана Кенесары Касымова, число игинчей не прибыло нисколько и оставалось то-же, что было десять лѣтъ тому назадъ. Но съ 1846 года, когда съ возведеніемъ на Тургаѣ Оренбургскаго укрѣпленія вполнѣ упрочилось въ степи русское вліяніе и окончательно пресѣклись мятежническія дѣйствія Кенесары, вынужденнаго неутомимыми преслѣдованіями русскихъ отрядовъ удалиться изъ нашихъ предѣловъ къ Дикокаменнымъ киргизамъ, въ войнѣ съ которыми и погибъ онъ почти со всѣми его приверженцами,—число игинчей прибавлялось и росло такъ быстро, что въ 1866 году собственно по теченію р. Тургаи ихъ считалось уже около 500 кибитокъ, а по всей Тургайской рѣчной системѣ и въ смѣжныхъ съ бассейномъ этой рѣки мѣстахъ до 900 семействъ.

Земледѣльчество до 1846 года, ограничивавшееся лишь Кара-кугою, окрестностями Сары-Купы и Наурузума съ озерами Санкибай и Джаксыбай, съ этихъ поръ, т. е. съ окончательнымъ водвореніемъ спокойствія въ Восточной части области, начинаетъ распространяться повсюду: и вверхъ и внизъ по рр. Тургаю, Джалдамъ, Улькойку и Кабыргѣ. Всякій степной киргизъ, испытавшій неудачу въ занятіи скотоводствомъ, пробуетъ счастья въ хлѣбопашествѣ. Такимъ образомъ лежація по Тургаю урочища: Кумъ-кичу, Догаль; по Джалдамъ—Батпаккара, Сунтай, Сюлюкти и проч.; по Улькойку—Сары-Узекъ, Чутпасъ и Кумъ-куль; по Кабыргѣ такъ называемое урочище Джанильма; близъ Наурузума озеро Сулы-Кона; близъ Сары-Купы озера Ульджакуль-Татимекъ, Косъ-Кона, Кайгы и противъ Оренбургскаго укрѣпленія, за Тургаемъ, озеро Чуптикуль-Кубей,—стали теперь мѣстами такой-же земледѣльческой дѣятельности, какъ и Кара-куга.

Кромѣ изложенныхъ выше препятствій внѣшнихъ, Септъ-Куль боролся или научилъ киргизовъ бороться и преодолѣть еще большія препятствія, которыя поставила ему въ земледѣльческой дѣятельности сама природа бесплодіемъ почвы, особенно на Тургаѣ, неспособной по сухому и жаркому климату ни къ какой дѣятельности безъ усиленной поливки, особенно при несовершенствѣ вдобавокъ употребляемыхъ тамъ до сихъ поръ земледѣльческихъ орудій, изъ коихъ первое мѣсто занимаетъ такъ называемый *Тисъ*. Это—весьма легкое орудіе или самое жалкое подобіе сохи съ однимъ сошникомъ, едва выворачивающимъ землю съ одновершковой глубины и вовсе неспособнымъ для болѣе глубокаго паханія. Русскія сохи, плуги или сабаны, и бороны покуда весьма мало извѣстны при-Тургайскимъ игинчамъ, начинающимъ только за послѣднее время заботиться о приобрѣтеніи оныхъ или на собственные средства, или на счетъ зажиточныхъ кочевниковъ, между которыми нѣкоторые тоже участвуютъ теперь въ хлѣбопашествѣ, если не личнымъ трудомъ, то покупкою для непоправившихся еще состояніемъ игинчей либо русскихъ сохъ съ боронами, либо снабженіемъ ихъ рабочею и дойною скотиною, съ правомъ на вознагражденіе себѣ за это извѣстною долею производимаго вспомоцествуемыми ими игинчами хлѣба. Повсемѣстное введеніе между игинчами означенныхъ орудій произвело-бы, безъ сомнѣнія, весьма значительное улучшеніе въ ихъ дѣлѣ, котораго успѣхъ и въ настоящее время при необыкновенномъ трудолюбіи игинчей заслуживаетъ немалое вниманіе. Вмѣсто бороны употребляются здѣсь мотыга и такъ называемый кетпенъ или заступъ. Это—родъ топора, но гораздо большей величины, или, вѣрнѣе родъ желѣзной лопаты, съ тою разницею, что деревянная ручка въ кетпенѣ втыкается въ обухъ перпендикулярно его лопатѣ.

Вспаханная или поднятая означеннымъ выше тисомъ земля, разбивается или размельчается потомъ мотыгою или кетпенемъ; послѣ чего дѣлаются извѣстныя приспособленія пашни къ поливкѣ, то-есть, для ровнаго распространенія воды по всей пашнѣ послѣдняя устраивается со множествомъ взаимно пересѣкающихся внутри оной канавокъ вдоль и поперекъ, какъ видно это изъ прилагаемаго чертежа.

На воздѣланную такимъ образомъ землю кладется сѣмя,—послѣ чего засѣянное поле постепенно и по мѣрѣ надобности напоется или поливается водою, проводимою къ пашнѣ изъ рѣки или озера посредствомъ искусственныхъ канавъ, называемыхъ *арыками*, которые, начинаясь обыкновенно отъ воды, оканчиваются у самой пашни такъ называемымъ *эутомъ*, или ямою въ родѣ колодца. Это—бассейнъ, куда вливается проводимая изъ рѣки или озера вода и откуда выливается она на пашню слѣдующими способами:

Первый самый старинный способъ состоитъ въ поливкѣ посредствомъ такъ называемой *куль-кауги*, т. е. ведерки, привязанной къ концу длиннаго шеста съ какимъ-либо привѣшаннымъ къ другому концу оваго предметомъ, тяжестію больше ведерки, когда она полна водою. Для такой тяжести обыкновенно берется камень, либо мѣшокъ, набитый пескомъ или глиной. Шестъ этотъ лежитъ серединою своею на подпоркѣ изъ трехъ сошекъ, связанныхъ вмѣстѣ верхними концами, а нижними, или ножками разставленныхъ, врозь, по сторонамъ. Подпорка для шеста съ куль-каугою на одномъ концѣ и съ означенною тяжестію на другомъ—устраивается у самаго конца, или эута, съ противоположной пашнѣ стороны его. А на той сторонѣ эута, гдѣ пашня, сдѣлано выложенное изъ глины продолговатое корыто, по киргизски *астау*, котораго дно должно быть непременно выше поверхности площади представляющей пашню, и котораго

продолженіе съуживаясь идетъ вдоль пашни, развѣтвляясь внутри оной на обѣ стороны и кругомъ. Это продолженіе борыта, равно какъ всѣ развѣтвленія его внутри и кругомъ пашни, называются *жапъ*, и, служа проводниками воды по пашнѣ, суть оросители тѣхъ четыре-угольниковъ, видныхъ на чертежѣ, которые образовались отъ взаимныхъ пересѣченій жаповъ между собою,—и называются *атызъ*. Изъ всѣхъ жаповъ самый широкій и главный есть тотъ, который, составляя непосредственное продолженіе борыта или астау, лежитъ вдоль всей пашни.

Вычерпываемая куль-каугою вода изъ колодца, льется прежде всего въ астау, а изъ него—въ главный жапъ, по которому она бѣжитъ прямо къ противоположному концу пашни, гдѣ поворачиваетъ въ обѣ стороны по круговымъ жапамъ,—откуда по переполненіи оныхъ вода забѣгаетъ во всѣ внутренніе поперечные и продольные жапы, а изъ сихъ послѣднихъ, открываемыхъ и закрываемыхъ такъ-же, какъ и главный и круговые, по усмотрѣнію, наконецъ льется во всѣ четыре-угольники или атызы. По переполненіи такимъ образомъ всей пашни, куль-кауга, бывшая все это время въ дѣйствиіи, перестаетъ дѣйствовать.

Другой способъ поливки называется *атпà*. Это—маленькое плоскодонное съ отлогою къ одному концу стѣнкою корытце въ видѣ лотка, придѣланное къ такому-же шесту, къ какому привязана куль-кауга, съ тою разницею, что у послѣдней, шестъ лежитъ на подпоркѣ или надъ сошками, а у аты онъ виситъ между сошками, привязанный за середину веревкою, идущею отъ связанныхъ концовъ сошекъ. Взявъ этотъ шестъ за противоположный корытцу конецъ, одинъ человѣкъ безъ затрудненія вычерпываетъ изъ колодца воду, льющуюся, переливающуюся и распространяющуюся потомъ по пашнѣ тѣмъ-же порядкомъ и путемъ, какъ и при поливкѣ куль-каугою.

Третій и самый усовершенствованный способ поливки, а потому наиболее распространенный между игинчами, состоитъ въ поливкѣ посредствомъ такъ называемаго чигиря, по киргизки *шыргъ*. Это—водоподъемная машина, состоящая изъ нѣсколькихъ вертящихся или движимыхъ одно другимъ колесъ, сдѣланная не болѣе и не менѣе какъ изъ *тысячи одного* отдѣльнаго куска дерева—непремѣнное условіе полного механизма этой машины, изобрѣтенной, какъ говорятъ киргизы, нѣкимъ Али-Чинаромъ въ незапамятное время и приводимой въ движеніе однимъ или двумя волами. Съ устройствомъ этой машины познакомили киргизовъ тотъ же Сеитъ - Куль, что ввелъ между ними хлѣбопашество. Сначала вода изъ рѣки или озера по вырытой канавѣ идетъ, какъ выше сказано, или проводится въ устроенную при самой пашнѣ яму, надъ которою ставится чигирь такъ, чтобы привязанные къ главному колесу его чиляки или ведерки свободно доставали воды въ ямѣ. Когда вода въ ямѣ дойдетъ до висячихъ надъ нею чиляковъ, волы понукаются и чигирь приходитъ въ движеніе, по мѣрѣ котораго означенное колесо, вертясь надъ водою въ ямѣ, вычерпываетъ оную привязанными къ нему чиляками и выливаетъ въ устроенный при ямѣ астау, откуда вода передается въ главный жапъ и т. д., распространяется по всей пашнѣ тѣмъ-же порядкомъ, какъ и при поливкѣ посредствомъ куль-кауги или атны. Такая поливка у степныхъ игинчей повторяется не менѣе 3-хъ разъ въ одно лѣто. Но чѣмъ чаще поливать тѣмъ лучше и вѣрнѣе долженъ быть урожай.

Само собою разумѣется, что при такой системѣ ирригаціи полей, пашня должна быть располагаема по возможности ближе къ водѣ, отъ которой удаляется она не иначе, какъ по причинѣ крайняго истощенія близлежащихъ къ рѣкѣ или озеру мѣстъ. По мѣрѣ такого удаленія пашень

отъ воды увеличивается и число чигирей. Такъ-что въ настоящее время по Тургаю, рѣдкая пашня поливается однимъ чигиремъ, исключая разумѣется тѣ немногія, которыя расположены на понимаемыхъ разливомъ мѣстахъ. Мѣста пашень отошли такъ далеко, что поливка каждой изъ нихъ рѣдко-гдѣ производится менѣе чѣмъ тремя чигирями, передающими одинъ другому воду по прорытымъ между ними канавамъ. Число чигирей при одной и той-же пашнѣ увеличивается впрочемъ не по одной только дальности отъ воды; но иногда и при недалности отъ послѣдней—по высотѣ мѣстоположенія первой.

Порядокъ сѣвооборота слѣдующій: одно и то-же мѣсто годится подъ посѣвъ къ ряду только на два года, изъ коихъ на первый сѣется проса, а на второй—пшеница; затѣмъ 3-й, 4, 5 и 6-й годы оставляется подъ паромъ, или отдыхаетъ,—послѣ чего опять сѣется проса, потомъ пшеница, потомъ опять паръ и т. д. въ томъ-же порядкѣ. Кромѣ этихъ двухъ родовъ хлѣба, при-Тургайскіе игинчи не сѣять ничего какъ по малопродуктивности почвы, такъ и потому, что остальные хлѣба, равно какъ овощи, не составляютъ уже такихъ насущныхъ потребностей въ киргизскомъ быту, какъ пшеница и проса. Особенно послѣднее, по неприхотливому произрастанію его почти на всякой степной почвѣ и по легкости воздѣлыванія подъ него земли, состоящаго изъ самаго неглубокаго паханія, сѣется предпочтительнѣе передъ другими, и въ быту игинчей составляетъ то-же, что овца или баранъ въ хозяйствѣ скотовода; сверхъ—того одно-лѣтній посѣвъ проса на всякомъ мѣстѣ служить уже достаточнымъ и лучшимъ удобреніемъ почвы подъ пшеницу, никогда не сѣящуюся поэтому прямо тамъ, гдѣ не было въ предъидущій годъ проса.

Залоговъ съ осени игинчи не знаютъ. По снятіи хлѣба все убирается съ поля, на которое являются они съ разобранными ими осенью куль-каугою, атнами и чигирями съ открытіемъ слѣдующей весны, когда игинчи, ознаменовавъ начало или приступъ къ дѣятельности по обычному ихъ занятію праздникомъ съ воловою скачкою, и благословясь воспоминаніями да усердными молитвами почти обоготворяемому ими Али-Чинару—изобретателю чудесной машины,—берутся за тисъ и кетпень, по должномъ воздѣланіи коими своихъ пашень, положивъ на нихъ сѣмена, приступаютъ обыкновенно прежде всего за расчистку старыхъ или за проведеніе къ мѣстамъ пашень новыхъ оросительныхъ арыковъ; потомъ за постановку атны, куль-кауги и чигирей, и наконецъ за поливку (*).

Казалось бы, что при такомъ искусственномъ орошеніи полей и при знаніи мѣры въ поливкѣ неурожай невозможенъ или по крайней мѣрѣ долженъ былъ-бы быть весьма

(*) Постановка чигирей тоже сопровождается праздникомъ. Какъ постоянно трудящіеся люди, игинчи любятъ праздники и не пропускаютъ поэтому ни одного случая въ своемъ быту безъ праздника съ приношеніями жертвъ Богу и во имя Али-Чинара—непремѣннаго посредника, по ихъ понятію, между нима и Богомъ. Предразсудокъ или повѣрье ихъ въ этомъ отношеніи очень сильно и выразилось въ слѣдующей пѣснѣ:

Чигирдынь чинъ атасы Али-Чинарь	چگردونك چن آتاسی آلی چنار
Чинарга сынбасанъ шгырь сынаръ	چنارعه صیونباصانك چغر صنار
Али ге Чинарь-мененъ хувъ сынбсанъ	آلی که چنارمنان خوب صیونصانك
Кичанда Тангри онгарынъ исвнъ тынаръ, т. е.	کچاندک تنگری اونکعاروب اسناطنار

Истинный отецъ или творецъ чигиря—Али-чинарь.

Коли не обратишься къ Чинару съ мольбой — не уцѣлѣть твоему чигирю.

Напротивъ, всякое предпріятіе твое начатое съ мольбы, обращенной къ нему,

Всегда увѣнчается успѣхомъ.

рѣдокъ; но весьма часто отъ недостатка въ рабочемъ скотѣ, а потому и въ поливкѣ, получается очень скудное вознагражденіе: для пашни, поливаемойся напимѣрь тремя чигирями, нужно имѣть отъ 6 до 9 быковъ и не менѣе 6-ти человѣкъ рабочихъ. А какъ въ игинчи идутъ обыкновенно самые бѣдные киргизы; то понятно, что не всякій въ состояніи заводить у себя по стольку чигирей, а если завелъ, то не всякій имѣетъ нужное къ нимъ число рабочихъ рукъ и скота; поэтому приходится многимъ производить поливку до сихъ поръ медленнѣйшими и самыми старинными способами черезъ куль-каугу или атпа, а если чигирями, то не иначе, какъ соединившимися въ одну артель нѣсколькими хозяевами, дѣлящими между собою поровну то, что дастъ обработанная ими сообща одна и та-же пашня.

При незнаніи киргизами русскихъ десятинныхъ мѣръ посѣвовъ, необходимо считать хлѣбныя поля ихъ отдѣльными пашнями, которыя хотя бываютъ весьма различной величины, а именно отъ одной и полуторы, до двухъ и до двухъ съ половиною десятинь; но въ общей сложности, считая кругомъ, каждую изъ нихъ можно принять почти безошибочно за двѣ десятины ровно.

Такихъ пашень въ 1866 году по р. Тургаю было подъ пшеницею и просомъ около 600,—что по принятому сейчасъ расчету равняется 1,200 десятинамъ, коихъ поливка производилась 1,116 чигирями, а именно:

а) По р. Тургаю собственно:

	Число десятинь.	Число чигирей.
На Каракугѣ съ ея окрестностями.	310	416
На Кумъ-Кичуи Байгабылѣ.	126	120
На Токанаѣ	90	73

	Число десятицъ.	Число чигирей.
На Догалъ, Сулыкамышъ и Батпаккаръ	353	300
На Сумаль-Кулъ, Сунтаъ, Сюлюктъ и по р. Джалдамъ.	306	200
По Кара-Тургаю	15	7
Итого	1,200	1,116

*б) Число десятицъ и чигирей
по другимъ мѣстамъ Тургай-
скаго бассейна:*

На Ульджакулъ-Татимекъ	130	60
Въ окрестностяхъ Сары- Купы	170	80
На Кайгъ	35	15
Въ устьяхъ и по теченію р. Улькаюка въ разныхъ уро- чищахъ	80	34
По р. Кабыргъ на урочи- щѣ Джайльмъ	170	70
и На урочищѣ Чукуркуль- Кубеъ	57	20

*с) Пашни и чигири въ ок-
рестностяхъ Наурузумскаго
бора:*

По рѣчкѣ Кара-Су	146	47
На Сулы-Копъ	63	—
На Санкибаъ и Джаксыбаъ.	44	22
Итого	891	318

Толыка производится
уль-лаугою и аптою.

Слѣдовательно всѣхъ десятинъ какъ собственно по Тургаю, такъ и по другимъ мѣстамъ въ глубинѣ степи Восточной части Области, поливаемыхъ чигирями и другими способами, въ 1866 году было 2,091, изъ коихъ 1,191 д. подъ просомъ, а 900 десятинъ подъ пшеницею.

На десятину проса принято повсемѣстно класть сѣмянъ около 1 пуда, а пшеницы отъ 5 до 8 пудовъ. Значитъ на 1,191 десятину проса пошло сѣмянъ около 1,191 пуда, а на 900 десятинъ пшеницы, считая на каждую десятину среднимъ числомъ по $6\frac{1}{2}$ пудовъ, употреблено сѣмянъ 5850 пудовъ.

За высшій урожай въ степи считается то количество, когда съ десятины получается проса отъ 200 до 230 пудовъ, а пшеницы—отъ 150 до 180 пудовъ.

А такъ какъ въ 1866 году урожай повсемѣстно былъ довольно удовлетворительный, но не высшій, то можно полагать десятину проса въ 150 пудовъ; а десятину пшеницы во 100. Слѣдовательно съ 1,191 десятины проса получено въ прошломъ году 178,650 пудовъ, а пшеницы 90,000.

Если изъ этого количества вычесть ту цифру пудовъ, которая идетъ на собственное потребленіе самихъ игинчей, считающихся до 900 кибитокъ, полагая на каждое семейство кругомъ по 50 пудовъ проса и по 20 пуд. пшеницы—всего 45,000 пуд. перваго и 18,000 пуд. второй; потомъ если исключить и ту цифру, которая необходимо должна быть сбережена на сѣмена для 1867 года, т. е. по числу 1,191 десятины проса, полагая на десятину по 1 пуду—1,191 пуд., а по числу 900 десятинъ пшеницы, полагая на десятину по $6\frac{1}{2}$ пуд.;—5,850 пуд.—наконецъ если примѣрно $\frac{1}{10}$ часть положить на долю хотя тѣхъ немногихъ изъ кочующихъ киргизовъ, которые участвуютъ въ хлѣбонашествѣ не личнымъ трудомъ, а снабженіемъ бѣднѣйшихъ изъ игинчей ра-

бочею и дойною скотиною,—то останется 114,594 пуда проса и 57,150 пуд. пшеницы, поступившихъ безъ сомнѣнiя въ продажу другимъ.

Единицею или мѣриломъ торговли, какъ и вездѣ въ киргизской степи, служить и здѣсь баранъ, на котораго установленная или болѣе постоянная цѣна, возвышающаяся и понижающаяся впрочемъ смотря по урожаю и степени запроса на хлѣбъ, — проса 6 пудовъ, а пшеницею 4 пуда. Слѣдовательно, если примемъ эту цѣну за болѣе постоянную норму, то въ 1866 году на 19,099 барановъ продано проса, и на 14,287½ барановъ пшеницы. Того и другаго вмѣстѣ: 33,386½ барановъ.

Значить на долю cadaго изъ 900 семействъ игинчей круглымъ счетомъ пришлось изъ вымѣна хлѣба въ 1866 году съ небольшимъ по 37 барановъ—барышъ, лежащiйся впрочемъ не на каждую кибитку поровну, а обыкновенно на одну больше, на другую меньше, каковое неравенство полученнаго каждою кибиткою заработка въ баранахъ можно выразить крайними цифрами самаго большаго барыша въ 73 барана, а самаго малаго въ 8 барановъ.

Выше было замѣчено, что въ игинчи идутъ обыкновенно самые бѣдные киргизы, не имѣющiе средствъ кочевать, а здѣсь въ свою очередь у мѣста сказать, что отъ игинчей ежегодно присоединяются къ кочевымъ своимъ однородцамъ тѣ, которые отъ хлѣбопашества поправились состоянiемъ.

Далѣе, если на потребленiе 900 кибитокъ игинчей, да на сѣмена для слѣдующаго года и т. д. пошло въ 1866 г., какъ вычислено это выше, около 64,056 пуд. проса и около 32,850—пшеницы; то естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ достало поступившаго въ продажу количества около 114,594 пуд. перваго и около 57,150 пуд. второй на всѣхъ покупателей, являющихся изъ разныхъ родовъ, изъ коихъ

безъ сомнѣнія въ каждомъ по нѣскольку тысячъ кибитокъ? Отвѣтомъ на такой вопросъ должно быть то соображеніе, что всѣ киргизы этихъ родовъ значительную часть нужнаго имъ въ годовой запасъ хлѣба закупаютъ, во время обычныхъ ихъ лѣтенокъ, на линіи, а нѣкоторые запасаются онымъ здѣсь даже на цѣлый годъ; слѣдовательно не всѣ они, во 1-хъ нуждаются въ Тургайскомъ хлѣбѣ, а во 2-хъ и нуждающіеся-то изъ нихъ берутъ его лишь на пополненіе недостающей у нихъ части годоваго запаса, а именно не болѣе, какъ отъ 15 до 20 пудовъ на каждое семейство.

За неимѣніемъ въ степи мукомольныхъ мельницъ весь производимый игинчами хлѣбъ, какъ на собственное ихъ потребленіе, такъ и въ продажу идетъ въ зернѣ. Только ближайшіе къ Оренбургскому укрѣпленію киргизы намеливаютъ себѣ часть имѣющагося у нихъ хлѣба на здѣшнихъ мельницахъ. Дальнѣйшіе же отъ онаго за перемоломъ муки сюда не ѣздятъ, а имѣютъ у себя, но впрочемъ не всѣ, ручныя мельницы. О качествѣ и вкусѣ Тургайской муки можно судить по породѣ здѣшней пшеницы, весьма похожей величиною и цвѣтомъ зеренъ на такъ называемую русскую *переродку*. Кубанка, родящаяся на чисто черноземной почвѣ, которой вовсе нѣтъ по Тургаю, и требующая слишкомъ глубокаго паханія, не можетъ здѣсь родиться. Но Тургайское просо славится особенною полнотою и чистымъ цвѣтомъ своихъ зеренъ, почему предпочитается киргизами всякому другому просу какъ въ степи, такъ и внѣ оной. Отечествомъ первоначальной породы того и другаго изъ Тургайскихъ хлѣбовъ слѣдуетъ считать конечно Среднюю-Азію, откуда вывезены были Сентъ-Куломъ первыя сѣмена оныхъ.

Хлѣбъ жнутъ игинчи серпомъ и ножомъ. Сжатый хлѣбъ, связываемый сначала въ отдѣльные снопы, а потомъ собираемый и складываемый въ скирды, вымолочивается тотчасъ

по окончаніи жатвы, дабы успѣть ко времени продажи. Мѣсто для молотбы, производимой гоньбою по насланному хлѣбу, нѣсколькихъ привязанныхъ одна къ другой лошадей вразъ, называется *кырманъ* и представляетъ расчищенный земляной полъ съ твердымъ грунтомъ. Изъ подъ молотбы хлѣбъ поступаетъ подъ вѣялку на разостланной по землѣ кошмѣ, откуда безъ всякой просушки въ овинѣ идетъ прямо въ продажу, при которой мѣрою для него служатъ у игинчей не пуды русскіе, приведенныя мною въ предъидущихъ моихъ вычисленіямъ лишь примѣрно и приблизительно, а такъ называемыми *ураяками* и *батбанами*, вѣсами, заимствованными вѣроятно Сеитъ-Куломъ у Коканцевъ или у Бухарцевъ и введенными имъ между игинчами вмѣстѣ съ хлѣбопашествомъ. *Ураякъ* — это небольшая плоскодонная деревянная чашка, которой величина должна быть постоянная. Для соблюденія или для сохраненія этого постоянства принято дѣлать чашку такой мѣры, чтобы кругъ, составляющій ея края, былъ равенъ 3 четвертямъ, а глубина должна быть такая, чтобы указательный и средній пальцы руки со сжатымъ между ними черенкомъ плети доставали дна чашки тогда, когда этотъ черенокъ плети положенъ діаметромъ на края чашки прямо надъ центромъ дна. Такъ какъ толщина черенка не у всякой плети и длина пальцевъ не у всякой руки постоянно одинаковыя, то разумѣется нельзя избѣжать нѣкоторой разницы въ размѣрѣ вѣсовыхъ ураяковъ, такой впрочемъ разницы, которою въ практической жизни нельзя не пренебречь. Въ видахъ-же наибольшаго сохраненія вѣрности въ вѣсовомъ ураякѣ, этотъ послѣдній, заведенный однажды, тщательно бережется игинчами, дабы замѣною онаго новымъ безъ особенной крайности не произвести, какъ выше сказано, хотя ничтожнаго, но неизбѣжнаго измѣненія въ вѣсахъ. Такъ что у нѣкоторыхъ изъ игинчей

есть уряки, идущія изъ поколѣнія въ поколѣніе, почернѣвшія какъ уголь отъ времени, и съ почтенныхъ лѣтъ шитвами изъ тонкихъ ремней или дратвы въ расколовшихся мѣстахъ.

Вѣсъ, заключающійся въ урякѣ, полномъ пшеницы или проса, глубоко загребаемой урякомъ не по край, а обыкновенно выше онаго, равняется $3\frac{1}{4}$ или $3\frac{1}{3}$ русскимъ фунтамъ. Четыре такихъ уряка составляютъ батбанъ, равный по этому 13 или $13\frac{1}{3}$ фунтамъ, — почему 3 батбана, по 13 или $13\frac{1}{3}$ фунтовъ въ каждомъ, могутъ быть приняты если не съ строгою точностію, то очень приблизительно за 40 фунтовъ или за 1 русской пудъ. На барана даютъ годами по 15 батбановъ или по 5 пудовъ, годами по 19 батбановъ или по 6 пудовъ, а годами по 25 батбановъ или по 8 пудовъ съ небольшимъ.

Для употребленія въ пищу пшеницы, существуютъ у киргизовъ или совершаются надъ нею слѣдующіе предварительные приемы: сначала она спускается въ теплую воду; потомъ, когда она достаточно размокнетъ и разопрѣетъ въ этой водѣ, послѣдняя выливается, а пшеница берется и кладется въ деревянную ступку, называющуюся по-киргизски *кели*, въ которой толкутъ ее до тѣхъ поръ, пока не снимется съ нея послѣдняя на ней тонкая кожица. По вылупленіи изъ этой кожицы получаютъ чистыя зерна въ видѣ крупы, которую варятъ потомъ въ водѣ либо съ масломъ, либо съ саломъ, либо наконецъ съ мясомъ, и ѣдятъ, сдѣлавъ изъ нея такимъ образомъ жидкую кашницу, составляющую весьма питательную и здоровую пищу. Или-же ѣдятъ эту крупу просто изжаренную на маслѣ.

Приемы надъ приготовленіемъ проса нѣсколько сложнее: оно размачивается не въ теплой водѣ, а въ кипяткѣ, или иначе сказать, варится прямо; потомъ, взятое изъ воды,

жарится въ сухомъ котлѣ, изъ котораго поступаетъ въ ступку и толчется до тѣхъ поръ, пока каждое зерно не выйдетъ изъ своей растрескивающейся отъ жаровни и ступки грубой кожурки,—по достаточномъ отдѣленіи отъ которой и по провѣяніи, она опять толчется. Изъ втораго толченія уже получается чистая крупа, употребляемая въ пищу либо въ этомъ видѣ, либо въ такой же кашницѣ, какъ и пшеничная крупа.

Кожица съ пшеничныхъ зеренъ или бросается, либо идетъ въ кормъ тощей скотинѣ; съ просяныхъ же зеренъ, первая кожурка, какъ слишкомъ грубая и негодная въ пищу, ни въ кормъ, вовсе бросается, а вторую, какъ болѣе нѣжную, ѣдятъ даже сами киргизы, называя ее *талканъ*.

Общее управленіе или завѣдываніе игинчами Восточной части Области, безъ различія родовъ и отдѣленій, къ которымъ они принадлежатъ, сосредоточено въ лицѣ одного мѣстнаго при Оренбургскомъ укрѣпленіи Начальника, не имѣющаго въ вѣдѣніи своемъ никого кромѣ игинчей, т. е. ни одной козующей кибитки. Въ общественныхъ повинностяхъ кочевыхъ своихъ родовичей игинчи не участвуютъ, платя лишь кибиточную подать и снабжая сборщиковъ или ревизоровъ послѣдней подводами отъ себя. Въ частности-же, т. е. въ отдѣльныхъ товариществахъ или компаніяхъ игинчей, называемыхъ *мурапами*, до сихъ поръ остается издавна существующее у нихъ самобытное управленіе *мурапъ-басами* (¹) или компанійскими начальниками съ судебною властію. Всѣ маловажные споры или ссоры, возникающія между игинчами, судятся и рядятся этими мурапъ-басами, избираемыми ими изъ среды себя безъ всякаго посторонняго вмѣшатель-

---

¹) Мурапъ, или, правильнѣе, миръ и апъ — по-персидски значать: миръ — начальникъ или правитель, а апъ — вода. Т. е. начальникъ водъ, или иначе сказать, начальникъ ирригаціонныхъ полей.

ства, и получающими каждый съ своего общества извѣстное вознагражденіе хлѣбомъ или баранами и вообще натурою.

Такая особенность во внутреннемъ управленіи игинчей, очевидно вытекаетъ изъ того разъединенія ихъ съ общимъ ордынскимъ начальствомъ, которое, странствуя большую часть года вмѣстѣ съ кочующею массою киргизскаго населенія, сталкивается съ вовсе не кочующими игинчами только при возвращеніи своемъ на зимнія стойбища, около каковыхъ и живутъ постоянно эти послѣдніе.

Султанъ Сейдалингъ 2-й.

